

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА И СУД ПРИСЯЖНЫХ

Происхождение и развитие судебной реформы в России представляет и всегда будет представлять огромный интерес. Этот интерес будет существовать не для одного историка. Он существует и для юриста и для исследователя общественного самосознания за последние двадцать пять лет. Юрист найдет в истории судебной реформы широкую и блистательную картину коренного изменения форм и условий отправления правосудия, встретится с законодательной работой, которая по своей цельности и значению достойна глубокого изучения. Исследователь внутренней жизни русского общества в истории возникновения и применения к жизни Судебных уставов усмотрит яркое отражение надежд и колебаний, стремлений и настроений, которыми полна была жизнь общества в эпоху, последовавшую за периодом преобразований. Следя за практическим развитием основных начал, провозглашенных Уставами, за их оценкою в разное время и за теми препятствиями, которые возникали на пути этого развития, прислушиваясь к нареканиям на то или другое начало и беспристрастно рассматривая поводы для этих нареканий, исследователь увидит, под влиянием каких общих условий слагалась у нас одна из важнейших сторон общественной жизни — отправление правосудия.

Судебная реформа была тесно связана с освобождением крестьян. Она вытекала из него непосредственно. Уничтожался домашний, вотчинный суд для многих миллионов дотоле бесправных людей. Они должны были явиться не только носителями гражданских прав, но и непосредственными защитниками этих своих прав на суде. Суд расширился, терял свой сословный характер. Но, расширяясь, он не мог быть заключен в прежние, обветшалые, узкие, лишенные жизненной правды формы. Их единодушно осуждало общественное мнение, они слишком долго заслоняли и заглушали собою идею правосудия, ставя на место его условное и столь часто произвольное применение закона. Если по отношению к освобождению крестьян под внешнею готовностью существовало большое внутреннее разногласие, если отдельные группы, отдельные слои общества сомневались еще в своевременности и правоверности крестьянской реформы в том виде, в каком она была намечена, то по отношению к суду все были согласны между собою. Все сословия, без различия, чувствовали на себе его недостатки, и каждый, кому приходилось с ним соприкасаться, выносил из него более или менее удручающее впечатление. Обидчик и обиженный одинаково не верили, чтобы по отношению к ним творилась не только расправа, но и суд, истец и ответчик одинаково страдали от старой «московской волокиты», облеченной в лишние внутренние содержания канцелярские формы.

Необходимость изменения судебных порядков чувствовалась всеми, но не находила себе при тогдашних общественных условиях определенного внешнего выражения. В законодательные сферы сознание этой необходимости проникло, однако, довольно рано. В то время, когда в некоторых универ-

ситетах еще читались лекции о совершенствах нашего судебного устройства и о превратности устройства французского, а ученая юридическая литература была вынуждена стоять на исключительной, и притом узкой исторической почве и заниматься исследованиями о «Русской Правде» и «Псковской судной грамоте» – понемногу шли работы по судебному преобразованию и принимались меры к улучшению существующего суда. Но работы эти двигались медленно и в узких рамках видоизменения существующих учреждений, не касаясь их основных начал, а меры были мерами паллиативными. Главнейшая из них – учреждение товарищей председателей палат гражданского и уголовного суда, назначаемых от правительства, – не достигала своей цели. Товарищи председателя приносили с собою энергию, любовь к делу и добросовестность. Но энергия гасла в мертвящей обстановке, где ей приходилось постоянно разбиваться о формальности, затруднявшие доступ к живому существу дела, а серьезная любовь к делу была каплею в море совершенно противоположных проявлений. Притом низшие суды – стоявшие ближе к народу – не знали товарищей председателя. Несмотря на разрозненные усилия отдельных личностей, в общем картина отправления правосудия была тяжелая, и Хомяков, являясь красноречивым выразителем общего мнения, имел право с горечью указывать, что Русь «в судах полна неправды черной».

Поэтому в словах Манифеста 1856 года: «Да правда и милость царствуют в судах» – выразились не только *desiderata* общества, но и его насущная, неотложная потребность. Слова эти являлись как бы ответом на вырвавшийся у негодующего поэта упрек своей отчизне.

Законодательное оживление конца пятидесятых годов быстро двинуло работы по судебному преобразованию. Вместе с тем старый судебный строй пошел на уступки. В нем сделаны были пробоины, чрез которые проникли в него новые, чуждые ему дотоле начала. Полицейский розыск был отделен от судебного исследования. Вместо прежних полицейских чинов, которые клали фундамент всякому уголовному делу, явились судебные следователи. Затем и двери старого суда отворились для публики. Наряду с просителем, который один имел доступ в суд, возник слушатель и зритель того, что делается в суде. Но и следователи и гласность уже не удовлетворяли ясно выразившейся потребности в новых формах для отправления правосудия. Применяя в условиях старого суда новые начала, приходилось их ограничивать, подгонять, урезывать – и они не достигали цели. Новое вино вливалось в старые меха и вливалось в слишком ограниченном количестве. Следователь не был достаточно самостоятелен. Подчиненный прямо уездному суду – и косвенно губернскому прокурору и губернатору – он был в значительной степени связан в своих действиях и не знал иногда, в чем найти опору. Уездный суд не мог ему помочь руководством, не имел силы да и умения поддержать и защитить его своим авторитетом. Сознание того, что самым тщательным образом произведенное следствие выцветет и утратит свои живые краски в тисках формальных доказательств, которыми исключительно жил и мыслил старый суд, уничтожало интерес деятельности следователя, а зависимость, в связи с слишком ограниченным содержанием, не способна была создать единый по своему образованию и нравственному развитию персонал следователей.

Двери суда были открыты для публики только наполовину. Присутствие посторонних допускалось лишь при докладе дела, а доклад не давал возможности взглянуть в тот живой материал, о котором в нем говорилось, так как суд и сам не изучал этот материал, производя в сущности не разбор дела в его реальной обстановке, а лишь разбор содержания бумаг, имеющихся в деле. Канцелярская тайна понемногу уступала место гласности, но, уходя, оставляла за собою, как надежный щит и охрану, письменность производства.

Составители Судебных уставов понимали, что необходима коренная реформа, что как ни подпирать, чинить и штукатурить старое здание, а все-таки в нем долго прожить будет невозможно. Надо было совершенно из него выселиться – и на новом месте строго размежеваться с соседями, заведя свое собственное независимое хозяйство. Лучшие люди науки и практики, составители Уставов, смело взглянули на предстоящую им задачу. Их не напугали ни ее сложность, ни ее совершенная новизна. Они прислушивались к голосам, которые рекомендовали средние меры в виде более или менее обширных новых вставок в старый суд или которые пророчили, что для вводимых новшеств не найдется людей, но они не поддавались влиянию этих голосов. Опыт введения крестьянской реформы, нашедшей для своего применения бескорыстных и знающих деятелей, опыт западной Европы, путем долгих и тревожных колебаний дошедшей до тех форм суда, которые у нас могли явиться результатом спокойной законодательной деятельности, был за них.

Для будущего историка судебного дела в России будет чрезвычайно интересно проследить по работам, подготовлявшим судебную реформу, как, по мере критического анализа старого суда во всех его проявлениях, постепенно расширялся горизонт необходимых преобразований и как эти преобразования, на которые указывалось сначала лишь как на желательные, мало-помалу начинали казаться возможными, и, наконец, представились неизбежными. Особую ценность имеют в этом отношении замечания чинов судебного ведомства на основные положения преобразования судебной части. Из них видно, как разнообразно относились к предстоящей реформе представители старого суда. Все сходились в признании непригодности устаревших форм и приемов отправления правосудия, но сходились только в этом. Большинство председателей палат, указывая иногда в ярких чертах на существующие недостатки, смотрело, однако, с тревогою и недоверием на предположения изменения всего судебного строя, товарищи председателей горячо приветствовали эти изменения и настаивали на их возможно широком применении, а губернские прокуроры подвергали по большей части подробной критике новые начала, сомневаясь в их применимости к русской жизни. Иногда самое осуществление новых начал понималось ими крайне своеобразно. Так, например, один из губернских прокуроров давал свое согласие на гласность судопроизводства, но с тем, однако, чтобы билеты для входа в суд продавались в пользу богоугодных заведений по цене, устанавливаемой по соглашению председателя судебного места с губернатором. Другой находил возможным введение присяжных, но обязывал их, однако, письменно мотивировать свое решение, чтобы можно было убедиться, что они его постановили основательно и не могут подлежать взысканию.

Составители Уставов исполняли свою задачу с умением и любовью. В огромном ряде постановлений, представляющих одно гармоническое целое, они неуклонно провели основные принципы и провели так глубоко, связали между собою такими неразрывными нитями, что принципы эти без существенных повреждений просуществовали первое время, трудное время – и, будем надеяться, просуществуют еще долго. Из «присутственного места» они сделали самостоятельное учреждение и призвали в него общество не только в качестве слушателя, но и в качестве участника его деятельности. Они отмежевали суду его собственную область и в ней заставили действовать независимого судью вместо прежнего административно-судебного чиновника, доверяя ему, опираясь на его совесть и не связывая его путами формальных доказательств, из-за которых сквозило постоянное недоверие. Живой человек вызван ими во всех стадиях процесса пред лицо суда и в решительные моменты окончательного обсуждения его вины поставлен в условия свободного состязания.

Судебная реформа встречена была единодушным сочувствием. По отношению к ней сначала почти ни в ком не было чувства горечи или утраты; по поводу ее почти некому было жаловаться на свои нарушенные интересы.

Она дала простор и достойный исход многим молодым силам – и прочитала отходную только над небольшою группою приказных людей, которые давно уже ожидали своей служебной кончины и готовились к ней. Сословное начало, на котором были построены старые суды, помогло совершить упразднение их без особой ломки личных положений. Сословные представители оставили свою судебную деятельность, ушли назад, но вместе с тем получили возможность вернуться в суд в качестве присяжных, в качестве мировых судей. Общественному сочувствию отвечало и отношение новых судебных деятелей к своей задаче. Исполненные уверенности в успехе своего дела, искренно его любя, они стремились поставить его на подобающую высоту. А высота эта, по мнению большинства из них, была большая. Знание и способности, отсутствие которых пророчили скептические голоса, выдвинулись в размерах, превзошедших ожидания, и новые учреждения скоро, без колебаний и особых приспособлений, вошли в свою роль. Некоторые из них сразу сделались популярными, хотя с первых же шагов столкнулись с массою самых разнообразных, мелочных, местных интересов. Таким, в особенности, оказался мировой, с которым народ сроднился очень быстро – и не только в уездах, где он уже привык к мировому посреднику, но и в городах и в столицах.

С тех пор прошло четырнадцать лет... Введенной спокойно и почти без всякой внутренней борьбы судебной реформе пришлось в этот период пережить много испытаний. Реакция против Судебных уставов проявилась не сразу, не в виде систематического против них похода. Началась партизанская война – не менее, если не более утомительная, чем бой в открытом поле. У Судебных уставов не «объявлялось» никогда безусловных и прямых противников; никто, по-видимому, не порицал и не отрицал принципов, положенных в их основание. Никто не желал возвращения к старым судебным порядкам. Но применение основных начал реформы, приложение их к окружающему быту, придача им плоти и крови в практической жизни вызывали резкие и горячие нападения и воззвания к мероприятиям, которые, направ-

ляясь на кажущееся неправильным применение принципа, в сущности разрушали бы и самый принцип. Все стороны новых судебных учреждений испытали эти нападения по очереди. Мировой институт, судебные следователи, прокуратура, адвокатура и присяжные заседатели были подвергаемы беспощадной и, по большей части, крайне односторонней критике.

Первым по очереди вызвал против себя нарекания мировой институт – и замечательно, что вызвал их в то время, когда стоял особенно хорошо и действовал особенно правильно, т. е. в первые годы реформы, во второй половине шестидесятых годов, когда в нем не замечалось еще, в особенности в провинции, некоторого упадка, отрицать который ныне, каковы бы ни были его причины, значило бы закрывать глаза пред действительностью. Мировой суд коснулся одного из самых больных мест общественного быта шестидесятых годов. Крепостное право создавало не только специальные отношения между двумя слоями общества, но и прививало к жизни специальные привычки, которые неуловимо проникали во всю окружающую жизнь и придавали некоторым ее явлениям особую окраску. С освобождением крестьян крепостные отношения исчезли, но крепостные привычки остались. С ними-то прежде всего пришлось столкнуться мировым судьям, ближайшим представителям равного для всех суда. *Inde irae...*

Крайние нападения на адвокатуру еще у всех в памяти – и односторонность их невозможно отрицать. Едкость прозвищ, придуманных для некоторых сторон деятельности сравнительно немногих адвокатов, не может искупить ни несправедливости, огульных обвинений против представителей учреждения, неразрывно связанного с коренным началом нового суда – состязанием сторон, ни забвения той тяжелой и бескорыстной помощи, которую оказывала адвокатура отправлению правосудия в массе уголовных, подчас очень долгих процессов. Но наиболее упорные, почти непрерывающиеся, то ослабевающие, то усиливающиеся нарекания вызывал против себя суд присяжных. Нарекания эти принимали разнообразные формы, то выражаясь в смутном недовольстве деятельностью присяжных, то давая повод к указанию и требованию практических мер против этого учреждения.

Настало время разобраться во всех нареканиях на порядки, созданные Судебными уставами. Благодушное игнорирование указаний на слабые их стороны, указаний хотя бы и преувеличенных и неправильных, недостойно той цели, которой призваны служить эти Уставы. Им нечего бояться критики – и добросовестная критика не может им повредить. Она никогда не коснется основных начал потому, что не может же она опираться на другие начала, уже осужденные и юридическим развитием, и историей страны. Она может только указать на неправильные формы, в которые вылились эти начала. Но на этой почве, при условии беспристрастного разбора всех существующих данных, спор и исследование могут быть только полезны. Судебные уставы выработаны не для пустого пространства. Жизнь их вызвала – к жизни они и применяются. Считать их какою-то окаменелостью, застывшего в своей неподвижности, считать их за нечто непогрешимое и стоящее на месте, когда жизнь уходит вперед, – невозможно.

Период нареканий против Уставов выработал два крайних типа: к одному принадлежат люди, готовые с «легким сердцем» и крайнею близорукостью пере-

кроить Уставы вдоль и поперек, не отличая и не умея отличать в них существенного от внешнего и не сознавая, что часто так называемое изменение равносильно уничтожению; к другому принадлежат ортодоксы Уставов, полагающие, что они действительно охраняют дорогие им учреждения, защищая каждую запятую в Уставах, становясь на охрану чуть не их опечаток и упорно отворачиваясь от реальных проявлений применения этих Уставов, не желая ни слышать о них, ни вглядываться в них. Если представители первого типа далеко не безвредны по практическим результатам, которыми могут, при благоприятных обстоятельствах, сопровождаться опыты над «изменением Судебных уставов», зато представители второго, несмотря на симпатичность своих побуждений, — более чем плохие защитники этих же Уставов. Высокомерное отношение к тому, чем может быть иногда силен противник, и нежелание сознать и изучить свои, легко исправимые, слабые стороны всегда и во всякой борьбе оказывали вредные услуги.

Нельзя отрицать, что по прошествии многих лет судебные учреждения наши не совсем то, что ожидалось от них при введении уставов. Кое-что в них слишком скоро обветшало, а иное приняло совсем нежелательные формы. Личный состав их — уже не тот, исполненный энергии и горделивой веры в свое дело, состав шестидесятых годов. Кое-где в новые формы просочилось старое содержание, многие устали, утратили свежесть взглядов, органическая связь между отдельными учреждениями ослабела, рутина понемногу усаживается на месте живого дела и образ судебного деятеля начинает малопомалу затемняться образом судейского чиновника. Этих явлений отрицать нельзя и с ними необходимо считаться...

С другой стороны, с течением времени оказалось, что обстановка, в которой должны действовать новые суды, часто не согласуется с началами, которые они должны применять, что существуют условия деятельности, не предусмотренные составителями Уставов, но отражающиеся на ней весьма рельефно, что многое намечено в слишком общих чертах, а иногда проведение чересчур теоретично и резко, вопреки требованиям жизни, что, наконец, местным и временным обстоятельствам придана слишком большая свобода воздействия на практическое применение Судебных уставов. Обнаружение небольших недостатков и недосмотров вполне естественно в громадном здании, созданном судебною реформою. Самая незначительность их блестящим образом доказывает, как хороша, как прочна вся работа в целом.

Четырнадцать лет существования учреждения — достаточный период времени, чтобы дать поводы и материалы для оценки деятельности, организации и жизнеспособности учреждения. Первый шаг на этом пути должен состоять в рассмотрении упреков, которые ему делаются.

Таких упреков нашему суду делается много. Самые настойчивые из них направляются против присяжных заседателей. Поэтому исследование практических условий их деятельности является и своевременным и даже необходимым. Пусть это будет лишь слабый опыт, пусть вопрос будет затронут не вполне и не глубоко. Если этот опыт вызовет более обширные и подробные исследования — цель его будет достигнута.

Введение у нас суда присяжных было решительным шагом со стороны составителей Судебных уставов. Ни организация дореформенных судебных

мест в России, ни история русских судебных учреждений не представляли готовых форм для этого суда, не давали ему точки опоры ни в прошлом уголовного судопроизводства, ни в исторических воспоминаниях.

Существовавшие в эпоху судебных мужей и целовальники не могут в строгом смысле считаться прототипом русских присяжных заседателей. Они не были судьями в настоящем смысле слова. Между ними и судьей была проведена граница. Судья – воевода, наместник, тиун – творил суд, т. е. разбирал дело и постановлял приговор, а судные мужи и целовальники «сидели» с ним, чтобы «беречь правду, по крестному целованию, без всякой хитрости». Беречь правду – значило наблюдать, чтобы суд творился согласно установившемуся обычаю, чтобы все, что записывается в судный список, происходило в действительности. Свидетели всего происходящего на суде – они удостоверяли своею подписью, а в некоторых случаях и показанием, достоверность содержания судного списка и получали с него копию. Таким образом, целовальники входили в состав лиц, которые содействовали, по смыслу царского судебного, правильному производству суда, но их функции были ограничены, и по существу дела они не высказывались. Притом, целовальники существовали не повсеместно, не при всех судах. С первой половины XVII столетия общины, которые в XVI столетии горячо испрашивают себе право иметь своих целовальников при суде воевод и наместников, перестают заботиться об этом праве, целовальники утрачивают свой первоначальный характер и к половине XVII века совершенно исчезают.

Не в этом исчезнувшем и позабытом учреждении могли найти составители Уставов основы для устройства суда присяжных. Современный суд не нуждается более в присутствии выборных исключительно для надзора за правильностью действий, за исполнением обрядов. Наука и практика выработали более простые и определенные средства гарантировать участвующих в деле, и целовальники XVI века представляли не многим больший материал для организации суда присяжных, чем понятые и добросовестные отживших судебных порядков. Учреждение целовальников указывало лишь на то, что правительство в период наибольшего развития земской жизни в древней Руси признавало возможным призывать выборных от местного общества для присутствия при отправлении уголовного суда. Но задача суда присяжных – и выше, и шире. Воскрешенное из мертвых, учреждение целовальников несколько не подвинуло бы дореформенного судоустройства. Дело шло о передаче самого суда, самого произнесения приговора в другие руки, о призыве в суд представителей общества не для присутствия в качестве наблюдателей и достоверных свидетелей происходящего, а об обязанности их являться выразителями общественной совести в произносимом ими приговоре.

Сословная организация старых судов представляла участие выборного элемента в самом разрешении дела. Сословные заседатели при постановлении приговора подавали голоса наравне с выборным председателем и коронным товарищем председателя. Есть мнение, что они были своего рода присяжными заседателями. Некоторые юристы-практики, действовавшие при старых судах, утверждают, что сословные заседатели и даже сенаторы в старых департаментах Сената являлись только судьями фактической стороны

дела – и, разрешая вопрос о виновности, предоставляли представителям коронного элемента, т. е. канцелярии, разрешение и разработку вопроса о наказании. Деятельность их была деятельностью присяжных – и лишь со введением Судебных уставов явились у нас настоящие судьи. Поэтому составители Уставов нашли готовую почву для суда присяжных, нашли организацию, в которой этот суд уже действовал много лет, но только в другой форме. Задача их сводилась не к созданию чего-либо нового, не к заимствованию чего-либо чужого, а лишь к видоизменению существующего.

С этим взглядом нет возможности согласиться. Между сословными заседателями и присяжными – целая пропасть. Они существенно разнятся не только по своему происхождению, по условиям своего появления в суде, но и по объему своей деятельности. Одни представители сословий, другие представители общества по всей его совокупности, одни пассивные деятели суда, действующего на основании теории формальных доказательств, другие активные судьи по совести, не стесняемые формальными предписаниями закона, не вдвинутые в узкие рамки предустановленных доказательств.

Устанавливая органическую связь и преемство между заседателями старого суда и присяжными, забывают одно – теорию формальных доказательств. Эта теория одна из первых пала под ударами надвигавшейся реформы. Отмена ее – основное начало нового судопроизводства. Гласность и устность суда, самостоятельность судей – все это было бы сделано наполовину, все это не достигало бы своей цели, если бы осталась теория формальных доказательств. Она опутывала бы судей и связывала их во всех случаях, где живое существо дела не укладывается в заранее отмеренные и взвешенные формы, где механическая, внешняя оценка доказательств идет вразрез с их содержанием и действительною силою.

Сословные заседатели действительно могли разрешать только вопрос о виновности, предоставляя председателю или секретарю позаботиться о «приличных делу законах» по вопросу о наказании. Но разве, разрешая вопрос о виновности, они были свободны? Разве не стояла пред ними целая система обязательных правил, в которых было определительно указано, что они имеют право считать доказательством и какой итог должны они подводить тем или другим данным дела? Разве они могли, проникнувшись твердым убеждением, сказать «виновен» и знать, что их приговор останется в силе, не распадется при формальной проверке и не заменится «оставлением в подозрении», которое никого не удовлетворяло и ничего не разрешало?

Присяжные заседатели решают дела по внутреннему убеждению, которое складывается свободно и независимо, согласно с тем, что они видят и слышат на суде. Это коренное свойство суда присяжных. От них не ожидается и не может быть требуема мотивировка их решений. Она складывается под влиянием внутренней переработки той массы разнородных впечатлений, которые производит на них разбирательство дела. Доверие или недоверие к тем или другим доказательствам есть дело их совести.

Не в таком положении находился заседатель старого суда. Закон требовал от него признания виновности лишь при совершенных доказательствах. Когда он обращался к главному доказательству – к показаниям свидетелей,

ему говорилось, что эти показания не имеют силы, буде не даны под присягою и притом двумя свидетелями, если только один из них не мать или отец, показывающие против своих детей... Когда он встречался с искренним и правдивым показанием, ему говорилось, что оно не идет в счет, так как свидетель в качестве «явного прелюбодея», или «портившего тайно межевые знаки», или «иностранца, поведение которого не известно», не может принимать присяги... Когда он обращался к различным показаниям, данным под присягою, закон рекомендовал ему давать предпочтение знатному пред незнатым, духовному пред светским, мужчине пред женщиною, ученому пред неученым... Если, наконец, сословный заседатель находил, что, несмотря на отсутствие «совершенных» доказательств, есть масса улик, которые приводят его к несомненному убеждению в виновности подсудимого, совершившего мрачное дело и ловко спрятавшего особенно выдающиеся концы в воду, и заявлял, что надо постановить обвинительный приговор, то секретарь имел право представить ему «с должною благопристойностью» о том, что его рассуждения несогласны с законами. Секретарь мог в подобном случае указать сословному заседателю на необходимость оставления подсудимого только в подозрении или на возможность дать ему для «очищения подозрения» присягу, в которой, между прочим, отказывалось, по тому же делу, иностранцу, «поведение которого неизвестно»...

Итак — не в истории русского права и не в старом суде пришлось составителям Судебных уставов искать опоры для своей решимости ввести суд присяжных. Им пришлось обратиться к нравственным свойствам русского народа, опереться на веру в его способности и в духовные силы своей страны.

Теперь, когда суд присяжных введен и много лет уже действует у нас, когда пригодность его для русского народа в глазах всякого беспристрастного наблюдателя не может подлежать сомнению, вопрос о введении этой формы у нас представляется, по-видимому, естественным и простым. Но не таким представлялся он тогда, когда обсуждались и писались основные положения преобразования судебной части. Тогда раздавались голоса, предрекавшие этому суду полную неудачу, указывавшие, что необдуманно и неосторожно призывать творить суд людей, гражданское развитие которых было так долго задержано и которые привыкли лишь к крепостному труду или к всепоглощающим заботам о насущных потребностях. Опасения эти исходили не от одних противников реформы. Сомнение в пригодности этого суда для России высказывалось людьми, желавшими новому суду вообще преуспевания и видевшими в нем одно из средств дальнейшего развития гражданственности. Между ними вставил и свое веское слово высокоталантливый ученый-юрист, лекции которого «о судебно-уголовных доказательствах», читанные в 1860 году, оканчивались заявлением о невозможности суда присяжных для России. Там, говорил он, где народ до того нравственно прост, что часто не разумеет преступности большинства преступлений, где он до того политически прост, что считает суд страшилищем, а осужденных несчастными, где место уважения пред законом занимает страх пред начальством и самый закон рассматривается как начальственный приказ, там не может быть и речи о суде присяжных.

Тревожные предсказания и сомнения не поколебали, однако, составителей Уставов. Их не устрасило сострадательное отношение простого русского человека к осужденному, к «несчастному», и они смело положились на здравый смысл и нравственную чуткость народа.

В этом доверии к своему народу, в уважении к его уму и восприимчивости – великая заслуга составителей Судебных уставов. Она не забудется историей и – несмотря ни на какие временные, преходящие и частичные недостатки суда присяжных – дает этим составителям право стоять наряду с деятелями великого дела освобождения крестьян.

Суд присяжных слишком глубоко затрагивает многие стороны общественной жизни и устройства. Поэтому он всегда и почти повсюду вызывал в первые годы своего существования нападения на свою деятельность и переживал период сначала глухого недовольства со стороны отдельных лиц и целых общественных групп, а потом и открытой, резкой критики и сомнений в его целесообразности и даже разумности. Для живого учреждения борьба неизбежна. Ею покупается настоящая прочность.

Из главнейших стран Западной Европы одна лишь Англия не представляет таких нападений на суд присяжных. Там он сложился исторически, постепенно, выработался путем обычая и опыта и составил неразрывную принадлежность всего общественного строя. Нападения на его существо почти немислимы в английском обществе – они были бы равносильны отрицанию всей правовой истории страны. Даже и в тревожное время конца XVIII столетия, когда некоторые приговоры присяжных могли раздражать и пугать тех, кто боялся влияния событий, происходивших во Франции, нельзя найти в Англии следов сомнения в суде присяжных как в учреждении. Бывали нарекания и даже проявления негодования на известных присяжных, по известному делу, но лишь только это. То же повторяется и теперь по отношению к Ирландии.

Во Франции было время сильных и горячих нападений на суд присяжных. При обсуждении *code d'instruction criminelle* было сделано много указаний на разные уклонения этого суда в предшествовавшие годы под влиянием разгара политических страстей, было весьма эксплуатировано впервые всплывшее на поверхность дело Лезюрка, и сам Наполеон упорно и настойчиво ратовал против суда присяжных. Но законодатели тогдашней Франции сумели придать настоящую цену временным уклонениям молодого учреждения в бурную революционную эпоху – и, отнеся его ошибки и недостатки с полной справедливостью не к нему самому, а к этой эпохе, – удержали суд присяжных во французском судеустройстве. Общество создало, что между этим судом и возвращением к судебным порядкам старого режима самую историю вырыта целая пропасть – и нападения на институт присяжных заменились нареканиями на их практическую деятельность, которая выражалась в слишком малой уголовной репрессии.

Упреки суду присяжных за слишком большой процент оправдательных приговоров особенно сильно стали раздаваться после 1830 года и побудили законодательную власть тщательно и без предубеждения против присяжных присмотреться к причине этого явления. Причина нашлась в том затруднении, в которое ставились присяжные невозможностью смягчать иногда суровое наказание, когда они видели, что подсудимый, по своим личным свой-

ствам или обстоятельствам дела, не заслуживал такой беспощадности. Колеблясь между безусловным обвинением и оправданием, находя первое жестоким, а второе несправедливым, присяжные, во многих случаях, не мирились с знаменитым изречением «*dura lex – sed lex!*» и, предпочитая несправедливость жестокости, выносили оправдательный приговор. В 1836 году им дано было право признавать в деянии подсудимого *circonstances atténuantes* – и число неосновательных приговоров значительно уменьшилось. С этим уменьшением замолкли и нападения на суд присяжных и он окончательно твердо установлен во Франции. Теперь, когда присяжные произносят оправдательные приговоры несмотря на очевидную наличность преступления и на сознание подсудимого, уже не раздаются прежних обвинений. Законодательная власть относится к этому суду с доверием, а общественное мнение старается найти причины таких приговоров не в присяжных, а в условиях общественного быта, в нравах и, наконец, в отживающих свой век обязательных нормах. Недавнее литературное оживление по поводу дел Марии Бьер, Тилли и др. и выводы, к которым, отыскивая причины оправданий, пришли большие литературные имена Франции, служат лучшим доказательством, что время близуруких и односторонних нареканий на присяжных во Франции проходит.

Германия впервые приняла суд присяжных как нововведение, следовавшее за наполеоновскими орлами. Освободительно-национальное движение заставило этот суд отступить назад и заперло его исключительно в рейнских провинциях, но 1848 год снова вызвал его к жизни в Германии. И в ней он не миновал нападений. Только они шли другим путем, чем во Франции. Представители науки разделились на два лагеря – и противники суда присяжных с Гие-Глунеком во главе стали упорно доказывать, что суд этот не представляет достаточных гарантий для правильного отправления правосудия. Сначала распря шла лишь в области юридической литературы, но война 1870 – 1871 г. расширила поле борьбы. Реакция против всего французского отразилась на суде присяжных. Это французское учреждение стало признаваться негодным для Германии. Счастливая война с «исконным врагом» доказала, по мнению многих немецких юристов, что Германия должна во всем – и даже в судебной организации – опираться на свои национальные учреждения. Юристы обратились к далекому прошлому Германии и к некоторым его видоизмененным остаткам в ее недавнем прошлом. Был указан суд шеффенов – выборных заседателей, которые должны вместе с судьями составлять одну коллегия, равно разрешая и вопрос о виновности, и вопрос об уголовной каре. Законодательство пришло на помощь к этим взглядам и, отчасти восприняв их, создало суд шеффенов при участковом суде (*Amtsgericht*) новой империи. Но суд присяжных не сошел со сцены в Германии. Его не решились ни упразднить, ни подвергнуть значительным урезкам. Он функционирует наряду с шеффенами, введенными с 1 октября нового стиля 1879 г., и будущее еще должно показать, насколько последний достигает своей цели и можно ли предпочитать такую форму смешанного суда чистому суду представителей общественной совести.

Резкая ученая критика суда присяжных, впрочем, не умолкает в Германии. Известный криминалист Биндинг и знаменитый Иеринг (“*Zweck im Recht*”) выступают в последнее время против этого суда. Первый доказывает,

что суд присяжных не выдерживает критики как учреждение юридическое, второй, со свойственной ему оригинальностью взгляда, утверждает, что суд присяжных есть только одна из стадий, из переходных форм судебной организации. Форма эта полезна, быть может, даже необходима, для установления правильных отношений власти и граждан, для постановления новых общественных учреждений под охрану общественной совести. Но раз это достигнуто и учреждения упрочились, вошли в свою колею, деятельность суда присяжных должна прекратиться, потому что она имеет задачи политические, а не юридические. «Der Mohr hat seine Schuldigkeit getan, – говорит Иеринг словами Шиллера, – der Mohr kann gehen!...» У нас суд присяжных не вызвал против себя нареканий лишь самые первые годы своего существования. Но теперь и в обществе, и в литературе такие нарекания раздаются весьма часто. Отдельные случаи чрезвычайно обобщаются, каждый предполагаемый промах присяжных по отдельному делу приписывается свойствам самого учреждения – и все это заносится в грозный обвинительный акт против суда присяжных. На их счет без дальних рассуждений заносится и шаткость обвинения, и ошибки суда при ведении дела, и недостатки уголовного закона...

Вместе с тем за последнее десятилетие законодательство наше, судя по некоторым признакам, стало по отношению к суду присяжных как бы в выжидательное положение, стало на него смотреть не как на прочное учреждение, которое надо развивать, а как на опыт, которым еще не сказано последнего слова в деле нашего современного судостроительства. Приговоры присяжных, вызывающие против себя особенные нарекания, подают обыкновенно повод и к слухам о возможности значительных ограничений этого суда и всякого рода из него изъятий. К счастью, слухи эти не имеют по большей части прочных оснований, но, с другой стороны, до сих пор не было принято и серьезных законодательных попыток к изучению и устранению причин, которыми обуславливаются приговоры, идущие вразрез с господствующими взглядами. Вся законодательная деятельность относительно присяжных за последние десять лет ограничилась изъятием из их ведомства дел по преступлениям против порядка управления и призывом в состав присяжных весьма ограниченного числа военных чинов. Если сюда же отнести отдельные меры – воспрещение земству давать нуждающимся присяжным из крестьян денежную помощь на время пребывания их на сессиях суда и возбуждение вопроса о лучшем составлении списков присяжных, то этим исчерпается почти все, что сделано по отношению к этому суду. Но этого очень мало для учреждения, против которого раздаются почти непрерывающиеся обвинения и которое поставлено, очевидно, в неблагоприятные условия деятельности. Если смотреть на него как на учреждение, имеющее право на долгое и прочное существование, то нельзя оставаться в бездействии относительно этих условий. Постоянные нападения, с одной стороны, и отсутствие всестороннего изучения и сочувственных улучшений – с другой, не могут не поселять справедливой тревоги во всех, кому дорог институт присяжных и кто сознает его огромное нравственное значение для страны.

Суд присяжных в России похож на дорожное и полезное растение. Опытный и знающий садовод, в лице составителей Судебных уставов, перенес его

из чужих краев на нашу почву, вполне для него пригодную, и затем уступил другим возвращение этого растения. Пока оно не пустит глубоких корней и не распустится во всей своей силе, необходимо не оставлять его на произвол судьбы, а заботливо следить за ним, охранять его от непогоды, защищать от дурных внешних влияний, окопать и оградить таким образом, чтобы не было поводов и возможности срезать с него кору или обламывать его ветки.

Приняв с доверием к народным силам учреждение, ранее созданное другими странами, недостаточно относиться к нему с теоретическим сочувствием. Необходимо, чтобы все, кто любит и ценит это учреждение, поддерживали его рост и здоровое развитие прямотушным изучением и посильным устранением условий, препятствующих этому развитию.

Нападения на деятельность присяжных отличаются у нас двояким характером. Обыкновенно они возникают вдруг, по какому-нибудь отдельному случаю... В том или другом суде назначается к слушанию так называемое «громкое» дело. Задолго до его разбирательства оглашаются главнейшие подробности преступления и комментируются самым различным образом; оно начинает интересоваться, а иногда даже и волновать общественное мнение, на основании отрывочных сведений предсказывается с большею уверенностью тот приговор, который должен быть произнесен, и исход процесса рисуется большинству в виде несомненного и определительного вывода о виновности подсудимого или, в очень редких случаях, о его невиновности. Но когда наступает давно жданный день приговора — присяжные выносят решение, идущее вразрез с общими ожиданиями. Тогда поднимается целая буря упреков и нареканий. Присяжные оказываются тупыми, неразвитыми, лишенными нравственного чутья, запуганными людьми, неспособными к критике бесцельно утопающего в потоках судебного красноречия. Являются намеки на их тенденциозность и даже подкупность. Суд присяжных признается учреждением вредным, а правосудие навсегда погибшим на Руси. Потом, мало-помалу, негодование стихает, начинают раздаваться успокоительные голоса — и вскоре дело, вызвавшее иногда столько шуму, сдается в архив общественной жизни.

Нападения этого рода возникают по временам и не продолжают постоянно — это, так сказать, нападения спорадические. Страстность их не соответствует их основательности — и в этом их внутренняя слабость.

По большинству «громких» дел против самых горячих напаждений могут быть спокойно выставлены доводы о том, что нельзя судить об исходе, который должен был получить процесс, по газетным отчетам и односторонним, написанным под влиянием злобы дня корреспонденциям. На основании этих сведений и «судов и правосудов» людей, слышавших о деле «что-то» посреди пустой салонной болтовни, можно получить лишь мимолетное впечатление и построить на нем непрочное мнение, от которого, без особого труда, можно впоследствии и отступить. Но присяжные произносят не мнение, а приговор, который по большей части, бесповоротно и окончательно решает судьбу подсудимого. Для них важно не то, что говорят о деле, а то, что будет сказано пред ними, в той зале суда, входя в которую они торжественно кланяются судить на основании того, что увидят и услышат в ней — в ней одной. Пред ними с торжественною медлительностью развивается процесс и прохо-

дит, во всех подробностях, житейская драма, вылившаяся в суровые формы уголовного преступления, они иногда в течение многих дней видят пред собою живых людей и испытывают на себе неуловимые на бумаге впечатления, производимые личностью, манерою, голосом, способом выражения свидетелей, подсудимого и потерпевшего — и тою неосознаною правдивостью или ложью, которая слышится в показаниях и объяснениях, независимо от их содержания. Присяжных спрашивают не о том, совершил ли подсудимый преступное деяние, а виновен ли он в том, что совершил его; не факт, а внутренняя его сторона и личность подсудимого, в нем выразившаяся, подлежат их суждению. Своим вопросом о виновности суд устанавливает особый промежуток между фактом и виною и требует, чтобы присяжные, основываясь исключительно на «убеждении своей совести» и памятуя свою великую нравственную ответственность, наполняли этот промежуток соображениями, в силу которых подсудимый оказывается человеком виновным или невиновным. В первом случае своим приговором присяжные признают подсудимого человеком, который мог властно и твердо бороться с возможностью факта преступления и вырваться из-под ига причин и побуждений, приведших его на скамью подсудимых, который имел для этого настолько же нравственной силы, насколько ее чувствуют в себе присяжные.

В то же время закон открывает перед ними широкий горизонт милосердия, давая им право признавать подсудимого заслуживающим снисхождения по «обстоятельствам дела». Из всех обстоятельств дела самое важное, без сомнения, личность подсудимого, с его добрыми и дурными свойствами, с его бедствиями, нравственными страданиями и материальными испытаниями. Но где возникает вопрос о перенесенном страдании, там рядом с ним является и вопрос об искуплении вины. Зачерпнутые из глубины общественного моря и уходящие снова, после дела, в эту глубину, ничего не ищущие и, по большей части, остающиеся безвестными, обязанные хранить тайну своих совещаний, присяжные не имеют соблазна рисоваться своим решением и выставлять себя защитниками той или другой теории. Осуждать их за приговор, сомневаясь в его справедливости, может лишь тот, кто вместе с присяжными сам изучил и исследовал обстоятельства дела и пред лицом подсудимого, свобода и честь которого зависят от одного его слова, вопрошал свою совесть и в ней, а не в голосе страстного негодования, нашел ответ, идущий вразрез с приговором. Таких осуждений слышать, однако, почти не приходится.

Гораздо серьезнее, глубже и, по-видимому, основательнее нападения другого рода, которые можно назвать хроническими. В них идет речь не о приговорах присяжных по отдельным, исключительным делам, а о постоянной деятельности их по ряду односторонних дел, причем, несмотря на полную доказанность преступления и на несомненную виновность подсудимого, присяжные выносят в большинстве случаев оправдательные приговоры. Преступления, вызывающие эти приговоры, обыкновенно просты и ясны, нарушение закона в них очевидно, сложных мотивов они не представляют, и сам подсудимый, в большинстве случаев, покорно клонит свою повинную голову. Самые свидетели не могут быть заподозрены, и показание их не рашатывается и не разрушается строгим перекрестным допросом, потому что

свидетели эти своим красноречивым молчанием, своим внешним видом всего громче говорят против подсудимого. Это — документы, цифры, отчеты, виды на жительство и т. д. Казалось бы, говорят обыкновенно, что в таких делах все соединяется, чтобы доставить торжество карающему правосудию и поддержать нарушенный закон, а между тем присяжные сплошь да рядом выносят оправдательные приговоры. Явный и сознательный нарушитель правил паспортной системы, чиновник, совершивший подлог, сельский староста, растративший общественные деньги, выходит из суда, услышав от присяжных, что они «невиновны», — и спасительный страх пред законом в них и в им подобных заменяется уверенностью в безнаказанности. При таких условиях паспорт теряет свое значение и общество не гарантируется ничем, что в виде на жительство обозначено именно то лицо, которое его выдает за свой, а целый строй служебных отношений и должностных обязанностей потрясается в своем основании. Вот почему, продолжают критики нашего суда присяжных, постоянная повторяемость оправдательных приговоров, далеко превышающих в процентном отношении приговоры обвинительные, производимых различным составом присяжных в различных местностях России по делам о преступлениях по должности и против паспортных правил, заставляет их с тревогою смотреть на упорство присяжных в этом отношении. Здесь уже не единичные промахи, ошибки или увлечения в приговорах, а неправильное отношение присяжных к своей задаче, к своим обязанностям, возведенное в систему, обратившееся в своего рода обычай. Такое отношение идет вразрез с целями правосудия и указывает на непригодность и неподготовленность присяжных для участия в рассмотрении целого ряда специальных дел. Непригодность эта, в свою очередь, вызывает вопрос о том, может ли государство вообще доверять бесконтрольную судебную власть людям, которые оказываются ниже своей задачи в таких несложных, в сущности, вопросах, как признание виновности лица, проживающего с чужим паспортом или растратившего казенные деньги и не отрицающего очень часто своей вины. Неспособные правильно судить в деле, где фактическая сторона ясна и почти не требует доказательств, могут ли присяжные представлять гарантию правильности решения в делах, где самый факт еще не доказан и где нужна сложная работа логики, памяти и проницательности, чтобы признать самое событие преступления? По-видимому, ответ должен быть отрицательный. Таким образом, вооруженное цифрами большого количества оправданий по паспортным и должностным делам возникает настойчивое обвинение против суда присяжных...

Поэтому ближайшее рассмотрение деятельности присяжных заседателей прежде всего по преступлениям против паспортной системы, а затем и по преступлениям должности вызывается практическою необходимостью. Надо взглянуть в эту деятельность поближе, и тогда станет ясно, что не в самих присяжных кроется причина явления, на которое указывают их противники, опираясь на цифровые данные.